

Тор, наконец, достиг ворот Асгарда, где его уже поджидал верный Хеймдалль. Вид ЩИТа, появившегося на горизонте, не вызвал у него радости. Он видел с расстояния в несколько миль, как агенты устроили драку, и гневно заявил, что пожалуется министру магии, если они еще раз позволят себе подобное с героями. Кроме того, их вмешательство, по мнению Тора, не дало им толком разобраться, где находится мальчик. Теперь он был вне поля зрения и, скорее всего, потерялся. Когда волшебники, понутив головы, удалились, Фьюри потребовал отчета. Он пришел в ярость, узнав, что все доказательства существования мальчика, включая записи, были стерты Мракоборцами. Без улики и досье они не могли привлечь никого к ответственности. Железный человек поклялся, что найдет виновных и заставит их ответить за содеянное. Капитан Британия отправился к своему начальству, чтобы обсудить, насколько далеко волшебники могут зайти в мир смертных. Тор же решил вернуться в Асгард, оставив своих друзей разбираться с последствиями. Никто не помнил, что произошло, и поскольку свидетелей драки не было, никто, даже ЩИТ, не посчитал нужным возмещать огромный материальный ущерб. Мальчик, кем бы он ни был, исчез без следа. — Надеюсь, он не попал в лапы злодеев, — пробормотал Росомаха. — Они достаточно жестоки, чтобы развратить невинного, испуганного ребенка и заставить его служить своим злым целям. Он видел, как шпионы Мистера Синистера наблюдают за происходящим, и был уверен, что Мистик уже доложила Магнето. — Хеймдалль, как дела, пока меня не было? — спросил Тор, наконец, подойдя к своему старому другу. — Твой отец снова погрузился в Сон Одина, хотя произошедшее сильно его встревожило. Твоя мать Фригга ведет себя странно, говорит, что ее гобелен разваливается на части, — ответил Хеймдалль. Тор застыл на месте. Гобелен был для Фригги важным инструментом, позволявшим ей предсказывать будущее. Если он разрушился, что это означало? Неужели Фригга больше не могла заглядывать в будущее? Что стало причиной этого? Было ли это связано с маленьким мальчиком, обладающим невероятной силой? — Это плохие новости. Что-нибудь уже сделано? — спросил Тор, надеясь, что ему не придется приводить ребенка в Асгард. Человека с такой силой легко было бояться, а этого он меньше всего хотел для мальчика, особенно если он был связан с разрушением гобелена королевы Фригги. — Бальдер отправился искать прорицателя Волла, чтобы узнать, что случилось. Сиф отправилась к валькириям, чтобы те подготовились к худшему. Эта странная сила всех встревожила, — Хеймдалль сделал паузу, затем тяжело вздохнул. — Прости, я преувеличиваю. Она встревожила всех, кроме бывшего Фокусника. Для него это не имеет значения, но в наше время для него уже ничего не имеет значения. Тор почувствовал, как его сердце сжимается от боли, которую его брат все еще носил в душе. С тех пор как он вернулся, Локи только и делал, что скорбел. Один и Фригга надеялись, что время залечит все раны, но казалось, что с каждым годом без своей возлюбленной его боль только усиливалась. Он потерял интерес к жизни: перестал есть как прежде, бросил чтение и искусство, избегал общения с женщинами Асгарда и веселья. Он даже перестал озорничать. В глазах людей он стал прежним Фокусником, так как больше не устраивал в Асгарде никакого хаоса. На самом деле, если быть честным с самим собой, в Асгарде стало довольно скучно. Локи больше не вступал в привычные словесные перепалки. Фэндрал перестал дразнить его, так как он больше не отвечал на них. Обычно, когда Локи и Фэндрал ссорились, Локи отвечал словами, которые в хорошем настроении заставляли смеяться всю аудиторию, даже самого Фэндрала. Если же он был в ужасном настроении, то говорил такое, что даже стоический Хогун Мрачный разевал рот. В наши дни Локи пожимал плечами или бормотал: «Если ты так говоришь». Или скажет: «Возможно, это правда». Он больше не клюет на приманку и просто выглядит печальным. Фэндрал сдался, видя, что Фокусник больше не бросает ему вызов. — С каждым днем он становится все менее и менее забавным. Я не верю своим словам, но я скучаю по этому смутьяну, — печально сказал Фэндрал, когда Локи покинул его, опустив голову. Что еще хуже, Локи уже много лет не общался со своей семьей — не из печали, а из злобы. Он относился к ним с молчаливым презрением, не делал попыток стать частью семьи и отдалился еще больше, чем когда-либо. Он избегал Одина как чумы, а если и вынужден был встретиться с ним, то

делался максимально почтительным, не говоря ничего особенного, к большому огорчению Одина. С Фриггой он встречался ледяным взглядом, игнорируя все ее попытки открыть ему душу. Обычно она оставалась в слезах к тому моменту, когда Локи отходил от нее. С Тором он наполовину ожидал, что его брат вернется еще хуже, чем когда-либо, пытаясь убить его или навредить его друзьям. Но, к его удивлению, Локи также игнорировал его. Он не сделал ни одной попытки подойти к нему, а тем более напасть на него. Он не удостоился даже взгляда презрения. Более того, он не подавал никаких признаков того, что знает о существовании Тора. Тор подслушал, как Сиф спорила с молчаливым богом Озорства. Она заметила, насколько печальным казался Один каждый день из-за молчания Локи и как это опустошало Тора и королеву Фриггу.— Неужели у тебя нет ни соображения, ни любви, Локи! Неважно, я понимаю, что это глупый вопрос для такого бессердечного человека, как ты. Ты должен осознать, что это твое детское отношение разрушает твою семью! — кричала она, разъяренная тем, что, по ее мнению, было новым заговором Локи с целью навредить Тору. Локи растерянно моргнул и сказал то, что разбило сердце Тора:— Я не понимаю, о чем вы, леди Сиф. Мать и отец мертвы и похоронены уже много лет, и я не сказал ничего, что могло бы навредить им, так как слишком сильно люблю и уважаю их, чтобы так поступать. Что касается моего брата, или лучше сказать братьев, — он посмотрел ей в глаза. — Скорее всего, они бегут от кровожадной толпы волшебников и ведьм; несомненно, это результат извращенного представления Бродяги о шутке. Затем он повернулся, чтобы уйти, но не раньше, чем пробормотал:— Только бы они не вмешивали в это Пронгслета, я не буду жаловаться. Сердце Тора разлетелось на осколки. Локи считал свою смертную семью своей, а божественную — чужой. Неудивительно, что он не пытался атаковать Тора, не бросал ему вызов. Возможно, он и раньше так считал, не видя смысла в этой борьбе. Тор, в свою очередь, никогда не думал, что будет жаждать хоть какого-то знака от брата, хоть какого-то подтверждения, что Локи не безразличен. Единственной, кто, казалось, пробился сквозь стену отчуждения, была его бессмертная жена Сигин. Только ей удавалось заставить Локи есть, пусть и понемногу, и спать, пусть и короткими дремными мгновениями. Когда он нуждался в утешении, она была рядом, с распростертыми объятиями, готовая принять его боль. С возвращением Локи их связь стала еще крепче. Он, казалось, все больше доверял Сигин, а она слушала и утешала его. Однажды Тор наблюдал, как Локи рыдает в ее объятиях, обвиняя себя в ее смерти, повторяя, что это он должен был умереть, а не она.

<http://tl.rulate.ru/book/103877/3625146>